

УДК 070.422.1 + 811.161.1'373.4

В. М. Амиров

СНИЖЕННАЯ ЛЕКСИКА И ЭФФЕКТ ДОСТОВЕРНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ВОЕННОМ РЕПОРТАЖЕ

Анализируются некоторые аспекты использования стилистически сниженной лексики в военном репортаже, особое внимание уделяется обеспечению эффекта достоверности журналистского материала.

К л ю ч е в ы е с л о в а: война; военная журналистика; репортаж; лексика; документ; фронт; боевой конфликт.

Современные требования к военному репортажу предполагают, кроме традиционных для этого жанра фактора авторского присутствия, динамизма изложения и иных «репортажных» элементов, наличие эффекта достоверности. Этого эффекта можно добиться несколькими методами, однако одним из самых популярных в последнее время является использование в газетных и журнальных публикациях сниженной лексики, создающей военный фон. Это относится не только к средствам массовой информации, но и к весьма уважаемым газетам и журналам.

Для того чтобы убедиться в глубоком проникновении стилистически сниженной лексики во фронтовые журналистские материалы топовых изданий, достаточно почитать репортажи военных корреспондентов «Русского репортера» Марины Ахмедовой, Руслана Хестанова, Орхана Джемалы, Игоря Найденкова, военных обозревателей «Новой газеты» Аркадия Бабченко и Ольги Бобровой, постоянно работающих в горячих точках журналистов «Комсомольской правды» Дмитрия Стешина, Александра Коца и других известных мастеров репортажного пера.

Само по себе использование сниженной лексики, под которой мы понимаем лексику, отличающуюся от литературного языка и языкового стандарта, просторечную, разговорную, жаргонную, «слова, закрепленные за разговорно-бытовым стилем» [3, 86], в газетных и журнальных текстах, разумеется, не является чем-то новым. На уместность этого использования указывают многие исследователи. Например, А. И. Матяшевская считает, что «обладая огромным эмоционально-экспрессивным потенциалом, сниженные лексемы и обороты часто используются в публикациях для установления контакта с читательской аудиторией» [4]. В. В. Химик отмечает, что «использование стилистически сниженной лексики способствует тому, что тексты современных СМИ отличаются яркостью и творческой фантазией» [7, 171], а Кормилицина подчеркивает, что применение стилистически сниженной лексики может считаться нормативным «для создания особой экспрессии, помогающей успешнее воздействовать на массового адресата» [1, 252].

АМИРОВ Валерий Михайлович — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры периодической печати Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: vestnik-va@mail.ru).

© Амиров В. М., 2015

Ряд ученых отмечают, что использование в газетных текстах сниженной лексики отвечает двум глобальным тенденциям, обозначившимся в современной российской журналистике, — установлению доверительных отношений с читателем и усилению субъективного, авторского начала в публикациях СМИ нового времени. На это, в частности, указывают в своих работах О. Б. Сиротинина [5, 130], Г. Я. Солганик [6, 4].

Однако, наряду с реализацией вышеуказанных функций, употребление в материалах фронтовых репортажей сниженной лексики, несомненно, позволяет добиться еще одного важного для этого направления журналистики эффекта — достоверности. Нынешний читатель и зритель, отлично осведомленный о технологических возможностях телевидения, радио и Интернета, требует доказательств того, что журналист на самом деле находится на переднем крае и работает с реальными фактами и свидетелями происходящих столкновений. Кроме того, он хочет ощущать со страниц периодической печати дыхание войны, чувствовать ее пульс.

Лексика войны, очень далекая от обычного газетного стиля «мирного» СМИ, часто убеждает в этой достоверности лучше других аргументов. Такую лексику не подделать, не симитировать, потому что каждый день боев, сама обстановка политической и военной жесточенности, непрерывный поиск сторонами конфликта способов вербального маркирования противника рожают новые и новые лексемы и лексические конструкции. Используя их в своих материалах, журналист передает мрачный колорит войны, делает тексты эмоционально насыщенными, яркими и убедительными. Кроме того, с помощью языковых средств, относимых к стилистически сниженной лексике, журналист может имплицитно выразить свое отношение к происходящему — к эпизоду, факту или войне в целом.

Особенно показательно использование стилистически сниженной лексики во фронтовом репортаже. Это связано с тем, что сам жанр репортажа предполагает авторское присутствие, подачу материала от первого лица, создание для читателя «картинки» происходящего, а также высокую степень информативности, «максимальную насыщенность деталями» [2, 146]. Как «синтетический» жанр репортаж часто содержит диалогические конструкции, наличие в которых сниженной лексики естественно и органично вписывается в общую ткань передаваемой атмосферы боевых действий.

Стилистически сниженная лексика может использоваться в военном репортаже в нескольких аспектах. Для того чтобы выделить эти аспекты и проиллюстрировать нашу классификацию примерами, рассмотрим аналитические репортажи Марины Ахмедовой «Вы для нас родные» (Русский репортер. 2014. № 46), «Не хочется убивать, правда?» (Там же. 2015. № 6), «Новый год — новая война» (Там же. № 4), «Три Богдана» (Огонек. 2014. № 11); Аркадия Бабченко «Это самое паскудное — относиться к смерти, как к работе», «Грузия–200» (Новая газета. 2008. № 59, 60); Дмитрия Стешина «Пес войны из дебальцевского котла», «Джип карателей батальона “Азов” с командиром разведки разбился о памятник героям Великой Отечественной», «Под Луганском взорвали машину Андрея Мозгового» (Комсомольская правда. 2015. 22 февр., 3 марта, 7 марта).

Итак, стилистически окрашенная лексика применяется в следующих целях:

Во-первых, для именования действующих лиц вооруженного конфликта. Просторечные названия участников конфликта гораздо больше говорят читателю, чем официальные, как, например, «вооруженные силы Украины» или «вооруженные силы Новороссии», поскольку и так понятно, что с обеих сторон воюют граждане одной страны, а такое государственное образование, как Новороссия, существует пока больше в журналистских материалах, нежели де-юре, и ее границы могут меняться несколько раз за неделю.

Здесь автор может быть нейтрален и использовать сниженную лексику при характеристике обеих сторон конфликта, а может выразить свою позицию, давая «чужим» соответствующие определения. Например, в репортажах Марины Ахмедовой и Дмитрия Стешина из Донбасса, где развернулись боевые действия между войсками официального Киева и отрядами так называемой Донецкой Народной Республики, солдаты ВС Украины — это: **хохлы** — *Мы возьмем оружие и пойдем против хохлов*; **нацики** — *А нацики и наемники из Польши и Белоруссии, частные батальоны — это совсем другое дело*; **звери, волки, гады, твари** — *Мы никогда больше их не любим! Это — звери и волки, гады и твари!*; **укропы** — *живьем сгорела эта нечисть укроповская*; **фашисты** — *«Я — фашист... Я — фашист? Я? Фашист?» — повторяет он, сворачивая к двухэтажной школе*; **бандеровцы, бандеры** — *«Нет, пусть я буду бандеровцем! — топает по полу костью Богдан. — Ну пусть мы — бандеры!» — выкрикивает он*; **недочеловеки** — *Дорогие мои недочеловеки!*; **окруженцы** — *по городу еще лазали остаточные группы окруженцев*; **обгадившиеся** — *обгадившиеся бойцы «Азова»*; **шкуры** — *переговоры о судьбе своих шкур*; **каратели** — *Они же, эти каратели, во всех селах, которые занимали, памятки Великой Отчественной сразу расстреливали.*

Противостоящие Киеву отряды именуется в репортажах с помощью сниженной лексики иной оценочности: **дырочники** (шахтеры. — В. А.) — *С каждым дырочником нужно отдельный разговор вести*; **стрелковцы** — *А потом зашли стрелковцы и освободили Шахтерск*; **ополченцы** — *На ноги ополченца надевают маленького размера черные ботинки с круглыми носами.*

Из определений, которые дают представителям противостоящих сил журналисты, видно, что они больше симпатизируют «донецким», чем «киевским».

Журналист «Новой газеты» Аркадий Бабченко, старавшийся находиться на нейтральной позиции, называет российских солдат, брошенных на защиту населения Южной Осетии в период конфликта в августе 2008 г., **сопляками-мальчишками** (*Две трети контрактников — отслужившие по полгода сопляки-мальчишки*), **восемнадцатилетним мясом** (*мы опять воюем одним восемнадцатилетним мясом*), говорит о том, что **понагнали пацанов** (*за каким на эту войну опять понагнали пацанов?*). Грузинские вооруженные силы для него **вояки** — *вояка из него никакой, сразу видно*; **крестьяне** — *пленные — обычные крестьяне*; **мужики** — *обычные мужики, резервисты.*

Подходы известных авторов к излагаемому материалу различны, однако все они, применяя стилистически сниженную лексику, делают свои репортажи очень достоверными и фактологически ценными, поскольку сымитировать приводимые

слова, сидя в редакционном кабинете, невозможно. У читающего возникает эффект присутствия журналиста в пространстве тех событий, которые описываются, что вообще характерно для репортажа как жанра и обязательно для военного репортажа.

Во-вторых, для демонстрации крайней напряженности обстановки, ее высокого эмоционального накала: *«Вашу мать... (нецензурно. — «РР»¹). У меня сердце кровью обливается (нецензурно. — «РР») тогда я... У-у-у...» — он отбегает; Жена начала ругаться, а когда я ей представил его, сказала: «(нецензурно. — «РР»)... сынок, ну как же так?»; Продуктов нет абсолютно, прям блокадный Ленинград-два. Слава богу, была картошка своя, «закупорка» какая-то. Дом разбит, жить негде — три снаряда влетели; При этом люди из осажденных городов, реально там живущие, а не съе...шиеся в Киев или Москву, молчат, стиснув зубы. Терпят; Но никого на незалежной Украине это тогда не волновало. «Сепаров» и «колорадов» там жалеть не принято. И тем непонятнее нынешняя лукавая жалость; на «сайтах-воинючках» с буквенным набором «povoross» в доменных именах появились сообщения якобы от ополченцев: «Только что накрыли укроповский блок под Волновахой!». Через такое же «помойное» интернет-радио «Зелло» новость удалось впихнуть даже на официальный сайт ДНР.*

Использование сниженной лексики позволяет здесь создать эмоциогенные ситуации сопереживания, сострадания, сопричастности к происходящему, заразить читателя эмоциями, которые переживает журналист-очевидец. И таким образом добиться того, чтобы читатель верил смыслу и духу журналистского произведения.

В-третьих, для квалифицированного воссоздания максимально точной «картинки» увиденного лично: **мотолыга** — *«Восток» идет на трех БМП и трех мотолыгах; шишига, бэха* — *Сразу за нами привозят еще полную бэху; вертушка* — *Улетаю оттуда вертушкой с ранеными и убитыми; саушки* — *саушки били именно по ним; РСЗО, «Ураганы»* — *Улицы завалены рваными кусками железа, пустыми кассетными зарядами РСЗО, воткнувшимися в землю по самый хвостовик ракетами «Ураганов»; зачистка* — *Полную зачистку мы еще не делали; сухпай* — *старушка, навьюченная сухпаями; перемога* — *Це была знатная «перемога»! Аж целых шесть часов под руководством пастора — воителя пана Турчинова героичный полк штурмовал четыре пустых села на нейтральной полосе; трехсотые* — *когда один из «трехсотых» мило заговорил с ними.*

Военная терминология, принятая в кругу профессионалов и приводимая в материале, подчеркивает глубокое погружение журналиста в тему и знание мельчайших нюансов происходящего, понимание военной составляющей боевых действий. В представлении читателя журналист, столь точно ориентирующийся в боевых действиях, не может не быть точен в оценках и прогнозах. С помощью сниженной лексики журналист становится связующим звеном между военными, с оружием в руках ведущими бои, и читателем, который имеет достаточно слабое

¹ Газета «Русский репортер».

представление о военной теме, но желает понять основные тенденции и иметь собственное мнение.

Таким образом, мы можем говорить о том, что журналисты печатных СМИ, командированные для работы в районы боевых конфликтов, активно используют стилистически сниженную лексику, которая позволяет им создать эффект достоверности приводимой во фронтовых репортажах информации, передать динамику и эмоциональное напряжение как самих боевых действий, так и событий им сопутствующих. Читатель верит предоставляемому материалу, поскольку его убеждают в правдоподобии не только излагаемые факты, но и мельчайшие детали, которые очерчиваются в том числе и с помощью сниженной лексики.

1. *Кормилицына М. А.* Наблюдения над использованием журналистами возможностей русского языка // *Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке* / под ред. М. Н. Володиной. М., 2011. С. 245–254.

2. *Кройчик Л. Е.* Система журналистских жанров // *Основы творческой деятельности журналиста* / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2000. С. 146.

3. *Майданова Л. М.* Практикум по современному русскому литературному языку (для студентов-журналистов). Екатеринбург, 2007.

4. *Матяшевская А. И.* Сниженная лексика в СМИ: классификация, употребление, этнокультурные различия (на материале российских и британских газет) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2014.

5. *Сиротинина О. Б.* Сленг: его место в системе социальных и функциональных компонентов русского языка // *Язык и общество в синхронии и диахронии* : труды и материалы междунар. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. Л. И. Баранниковой. Саратов, 2005. С. 122–138.

6. *Солганик Г. Я.* Язык современных СМИ // *Журналистика и культура русской речи*. 2004. № 1. С. 3–6.

7. *Химик В. В.* Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб., 2000. С. 171.

Статья поступила в редакцию 9.03.2015 г.